

Жёлтый дьявол Разина

Павел Русов

Книга первая

Ванька-ангел

Павел Русов

Жёлтый дьявол Разина

<https://litres.ru/74643518>

SelfPub; 2026

Аннотация

1896 год. Нижегородская губерния. Коллежский ассессор И. И. Холмс, чиновник по особым поручениям сысканого отделения Департамента полиции, приезжает в Лысково по приглашению старинного друга — доктора Лехова. Он рассчитывал на тихий отдых, пиво и рыбалку, но планы рушатся: в соседнем селе Макраша мордовский знахарь Ванька провозгласил себя святым и собирает вокруг себя секту. По ночам к нему слетают «ангелы» — или то, что местные принимают за ангелов. Происходят исцеления безнадежных больных, случаются исчезновения, проводятся жертвенные ритуалы на древнем языческом капище. За всем этим стоит кто-то гораздо более опасный, чем деревенский лжепророк. Нити расследования тянутся в прошлое — к завещанию Степана Разина, его проклятию и зарытому кладу. Холмсу со своей собакой Капитаном предстоит не просто раскрыть цепочку преступлений, но и решить, где заканчивается рациональное и начинается мистика.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Жёлтый дьявол Разина

Глава

Книга первая

Ванька-ангел

Сказка – это миф, в который перестали верить.

В. Пропп

«Исторические корни волшебной сказки»

«...нечто, основанное на действительных событиях, но приукрашенное и измененное. Приукрашенное – чтобы было интереснее»

В. Мединский

«Мифы о России»

Пролог

— Ну-с, что же господин коллежский ассессор от нас на рублевый свой попросить соблаговолили? Ага. Угу. Понятненько. И очень просто. Тэк-с. Копия письма, писанного неизвестным лицом на корабле «Орёл», стоящем на якоре под г. Астраханью. 24 сентября 1669 г. Есть-с! А это что же?

А-га! Да здесь и предок нашего любознатца замешан... «... После нѣсколькихъ словъ онъ приказалъ мнѣ слѣдовать за Холмсомъ (такъ звали) и житъ съ нимъ до новаго распоряженія. 3-го іюля первые мои мучители вытащили меня изъ дома Холмса и привели на берегъ рѣки, угрожая бросить въ нее, если я не заплачу имъ 500 франковъ выкупа. Великодушный Холмсъ сказалъ, что онъ имъ заплатитъ. „Дѣти, — сказалъ онъ, отсчитывая деньги, — вотъ выкупныя деньги за моего друга, часть которыхъ принадлежитъ и мнѣ, такъ какъ я служу тому же господину, но я уступаю вамъ свою долю....“. Затѣмъ онъ повелъ меня съ собою и продолжалъ заботиться обо мнѣ какъ объ отца. 9-го воткнули крюкъ въ бокъ секретарю Алексѣю Алексѣвичу и повѣсили его на столбъ, на которомъ ... дней... умер... 21-го предводитель, въ сопровожденіи 1200 человекъ, вышел из Астрахани.... Въ его отсутствіе, какъ и при немъ, рѣзня продолжалась, и не проходило дня, въ которомъ бы не было умерщвлено болѣе 150 душъ. Жестокости, учиняемыя безъ разбору, заставили меня опасаться...»

Надо же! Страсти-то, какие-с! И зачем, позвольте спросить, чиновнику по особымъ поручениямъ при министерстве внутреннихъ делъ в отставке такіе документы понадобились? Так-с, чего он там еще запросил? Ага, завещаніе! Ну те-с, ну те-с...

«Азъ есмь, Степан Тимофеевичъ сынъ Разинъ изъ города Алатыря в верхъ Суры реки и дошед до речки Керминлейки и спра-

шивал мордвина, где пройти за Суру реку — и перешел со всем своим войском. Дошел я от брода в Горы и нашел в правой стороне ключ, и тут мы жили полтора года, и это место нам не показалось. И нашли мы бортника, и он сказал нам место удобное, и шли мы четыре дня и дошли до горы — ещ[е] гор[ы], и в горе ключ, в полдень течет; в горе верхней две зимницы на полдень выход. Среди той три яблони посажены в малой стрелке, в полугоре — ломы, шипы, заступки и доска медная; на верху[й] горе шолом. Тут пенек-дуб сквозь сверлом просверлен и заколочен черным дубом. Внутрь положены стволы и бомбы, и тут вырыт выход, и сделан покрыт, обложен пластинами дубовыми. И в нем положена братская казна, 40 медянок, а моей — купца Бабушкина, алаторского клюшника 40 тысяч, и его, Ивана, два сундука платья, сундук третий — апоноки драгоценного жемчугу и всякие вещи дорогие. Еще 4 пуда особого жемчугу и 7 ружей, а мое ружье стоит в правом углу, заряжено и заткнуто, а именно — травой. В середине стоит образ Богоматери не оцененный, украшен всякими бриллиантами. Это место кто найдет, и будет трясение одна минута; а расстоянием от пенька полста оглоблей; а оный сыскавши, раздать сию казну по церквам 40 тысяч на белом коне, а раздавши — из моего турецкого выстрелить и сказать: "Вот тебе, Степан Тимофеевич сын Разин, вечная память!". А коню голову отрубить. А сия поклажа положена 1732 года. Прежде проговорить три молитвы — Богоматери, Архангелу Михаилу и

Николаю Чудотворцу; а потом будет три трясения. Списал шатрашанский мужик Семен Данилов в месяце июне».

...Не иначе клад собрался искать, болезный! Ну ищи, ищи... Много вас таких! Что там еще? Ага, вот-с. Казнь Степана, донесение. Угу. А, вот и еще, газетка Гамбургская «Северный Меркурий» от июня месяца; некий Томас Хебдон, купец. И что же там пишет сей аглицкий негоциант? «... *Этот Разин все время сохранял свой гневный вид тирана и, как было видно, совсем не боялся смерти. Его царское величество нам, немцам и другим иностранцам, а также персидскому послу, оказал милость, и нас под охраной многих солдат провели поближе, чтобы мы разглядели эту казнь лучше, чем другие, и рассказали бы об этом у себя соотечественникам. Некоторые из нас даже были забрызганы кровью, — ишь, любопытные какие, не побрезговали ближе встать, а невдомек ему немцу, что ежели кровь татя на тя пала — пиши, пропало. Так-с, чего там дальше: — Сперва ему отрубили руки, потом ноги и, наконец, голову. Эти пять частей тела насадили на пять кольев. — Вот те раз! Как же-с так? Рука — раз, рука — два! Ноги — три, четыре, голова — пять! А тулово? Брешет гад, видно! Ан нет, вот, далее: — Туловище вечером было выброшено псам. После Разина был казнен еще один мятежник, а завтра должен быть казнен также его брат. — Да-с, и очень просто это у нас! Собак у нас много! Что людишек безродных, что псов голодных. Тьфу, мерзости-то какие!».*

Неприметный человечек сложил всё в конверт, удовлетворительно похихикивая, пересчитал ассигнации и отправился до дому; путь от архива был не близкий. А Москву накрывала мерклая, холодная осень.

Глава первая

«У нашего Ванюшки нету ни полуполушки»

Кто такой Ивашка-знахарь. Сомнения доктора Лехова. Ванька едет в Нижний. Потеря всего капитала. Появление Ваньки-ангела. Первые пропажи.

В лето 1896 года от рождества Христова в селе Макараша нижегородской губернии, между Нижним городом и Арзамасом, где обитало племя мордва-терюхане, происходить начали небывалые доселе чудные происшествия. Перво-на-перво с ума сбрендил местный кузнец, слывший между сельчанами за великого знахаря и кудесника. Ивашка-знахарь представлял собой неслыханное явление среди мордовского населения села: был грамоте обучен, мог лечить людей и скот, отыскивать покраденные вещи, открывать воров, выгонять нагайкой шайтанов из кликуш-мордовок, а из русских баб — бесов, предугадывать будущее и делать еще разные фокусы [1]. Падкий до разной мистики уездный врач Лехов даже пару раз специально приезжал из Лысково к эдакому мордовскому графу Калиостро. Однако был встречен угрюмым взглядом из-под бровей и таким же сумрачным молчанием. Хотя, как утверждал впоследствии Андрей Павлович,

во второй приезд мрачный коновал принял его в воротах своего двора словами «кво вадис, инфекция?»»

(Однако ж, зная способность медика в дальней дорожке прикладываться к заветной фляжке, лысковский истеблимент засомневался в такой нелепице, как знание латыни деревенским кузнецом. Скорее всего, говорили они, вы, милейший наш эскулап, какое-то мордовское ругательство услышали! А поскольку незадолго до поездки мы с вами обсуждали только что вышедший роман польского журналиста «Quo vadis?» [2], продолжали они, посмеиваясь, то ваша память (опять смешки) и сыграла с вами злую шутку. Ну откуда, помилуйте, дремучий кузнец может знать латынь?)

Доктор не стал оспаривать доводы оппонентов и молча ушел домой. Дома же сел писать ответное письмо старинному приятелю И. И. Холмсу, с которым находился в давней дружбе еще со времен турецкой кампании. Прознав про ранение Ивана Ивановича из полученного накануне письма, Лехов, давно звавший погостить его в Лыскове, решил в этот раз соблазнить его более верным средством, нежели рыбалка, знакомством с помещиком Н-ским (обладателем замечательнейшей парой гончаков) и бодрым волжским воздухом.

Дело в том, что в Нижнем проходила в этом году Всероссийская художественно-промышленная выставка, на которой Лысковский известный пивоваренный завод представ-

лял свои новые сорта! Зная глубокое уважение Холмса к этому янтарному напитку, Андрей Лехов и решил в письме уповать на то, что вкупе с положительными эмоциями (общение с собачками Н-ского), здоровым образом жизни (свежий волжский воздух, рыбалка), Оленьей горой (Холмс был любитель истории) и отличнейшим пивом раны коллежского асессора [3] заживут не в пример быстрее, нежели чем в каком-то там госпитале.

Ванька-знахарь появился на селе лет 10 назад. В короткое время хитрый и ловкий мордвин завоевал себе славу травника и знахаря. Поначалу Ванька брал мзду за лечение яйцами, курами и прочей живностью, со временем же перевел оплату за коновальство с натуральных продуктов на денежную основу. Людей же по-прежнему пользовал безо всякой материальной выгоды для себя. Со временем торговать начал: ездил в Нижний город, в Лысково, в Арзамас. Вот после одной такой поездки и начал он чудить, а потом и вовсе мозгами поехал.

Проживал на то время в Нижнем на постоялом дворе пьянчужка приказный вместе с хорошенькой женой. Ванька, несмотря на свою степенную и некрасивую наружность, был очень влюбчив. Вместо того чтобы ездить с товаром в Казань, Лысково, Арзамас, зачастил он в Нижний Новгород и нет, чтобы кончить дела в сутки, затягивал на неделю и больше. Однажды ночью, когда пьяный подьячий спал мерт-

вым сном, красавица намекнула ему: дверь, мол, будет не закрыта... Наутро Ванька проснулся с головной болью, без какой-либо одежды и всего капитала бывшего при нем на тот момент. К тому же задолжал денег постоялому двору за проживание. На его счастье остановились поутру в номерах двое купцов 2-й гильдии, с одним из них — Стрегуновым, злобучивый купчик не снимая шапки имел дело. Помог чуть ему Сергей Валерианович деньгами: на одежду, голову полечить, да до дому добраться. Дней через 10 появился разорыш на селе со словами: — Служите мне, да Христосику, верою-правдою! Унимайте народ Богов от воровства, от мотовства, от пьянства, от распутства да от тех недобрых дел; а вы православная мордва слушайтесь! А кто не сохранит нашей тайности, того велю... — после чего умолк. Далее, сказавшись больным, на неделю заперся в своем доме. Местный священник, отец Кирилла, только головой покачал, но вмешиваться не стал; бесов не поминает, вроде не богохульствует, говорит чудно, так видно — тронулся человечек, а вообще по уму — это на счет блуда да дел недобрых. А зря. Знал бы каким лишайным боком ему выйдет потом такое попустительство к заблудшей овце — взял бы грех на душу — приложил кулаком к затылку, и вся недолга. (Благо кулаков размеры позволяли — здоров батюшка, да сила есть, как говорится, а ум... дело хозяйское).

После «выздоровления» (а там кто его знает) новоявленный святой собрал некоторых жителей села из числа мордвы

и объявил им, что во сне ему являлся Христосик с ангелами и накрепко ему наказывал немедленно оставить торговлю, деньги раздать нищим, самому отойти в келью на уединение и молитву. И ушел. Где был и что делал неизвестно, однако ж, вернулся он с грустными покаянными глазами, исхудавший, одетый в черную ермолку, в монашеском подряснике и подпоясанный широким ремнем. Построил себе келью и засел в ней с раскрытой на столе огромной книгой «Староверский псалтырь». Как-то раз намекнул он, что ежели кто заглянет около первых петухов в окно его кельи, тот сподобится увидеть прилетающих к нему ангелов. И точно. И видели. И были очевидцы: средь темной кельи со стороны глухой стены проникли к нему озаренные светом три ангела. И осветили келью убогую. И Ивана перед ними на коленях стоящего. И разбежались, визжа, мордовки по домам, разглашая увиденное чудо. И пара баб русских заодно с ними из любопытства пришедшие, без памяти убежали. И потекли к Ваньке отшельнику набожные старухи. Сначала мордва. Потом и русские. Сунулся и отец Кирилла. Да упоили его вином сразу же (благо жаден был до него), а на опохмелку и золото общественное сунули – не мешай, мол. Ну и ладно! Мало ли чего привиделось кликушам этим заполошным. Ванька их и раньше ногойкой лечил – и сейчас вылечит. А зря. Вовсе и не ладно. Бок-то пока не болит, пока чистый бок, не лишний. Дык это пока...

Через пару дней пропала овца со двора. Да так чудно про-

пала! Собаки молчали. В хлеву тоже тишь да гладь ночью. И следов нет. Никаких нет. Ни человеческих, ни овечьих нет. Вот диво.

Примечания

1.Ванька-знахарь. Реальный исторический персонаж, между прочим! В миру — Кузьма Пеляндин, он же «Кузька-ангел» или «Кузька-бог».

Прессу того времени хлебом не корми — дай раздуть сенсацию: они громко назвали это «мордовским восстанием», хотя по факту на бунт там не тянуло от слова совсем. Так, локальный бунтец! Причем забавный нюанс: сам-то Кузька предводителем себя не назначал. Бедняга вообще стал жертвой собственных любвеобильных страстишек. А когда из города приехали его вязать, местная мордва взяла своего «пророка» в заложники, и понеслось...

История взята из книги М. Пыляева «Замечательные чудачки и оригиналы».

2.Сенкевич Г. — классик польской литературы («Огнем и мечом», «Камо грядеши»).оборот «Куда прёшь, инфекция?» — подлинное студенческое ругательство конца XVIII века.

3.Коллежский асессор — чин VIII класса. Соответствовал армейскому штабс-капитану (пехота) или ротмистру (кавалерия). С 1884 года звание майора было упразднено, и «ассессор» стал приравняться к капитану.

Чин высоко ценился: достичь его дворянину было непро-

сто — требовался университетский диплом или сдача экзамена. Не зря Гоголь сделал своего героя именно коллежским асессором, а Гончаров писал о бездне между титулярным советником и этим чином. Сам же Иван Иванович предпочитал не путать божий дар с яичницей, уточняя друзьям: *«Там я был штабс-капитан, а здесь просто чиновник восьмого класса по особым поручениям... Мы не на войне»*.

Глава вторая

«Что дом, то содом; что двор, то гомор; что улица, то блудница»

Прибытие странного пассажира с не менее странной собакой. Лесков рассказывает о появлении ангелов. И.И. Холмсу мешают попробовать новое пиво.

— Да уж, тихий городок! Пристань-то! Пристань! Ох, здорова! Пароходов-то... Так-с. Баржи. Одна, две, три... С хлебом, что ли? Улицы широкие. Эге! А это надо думать — пивоваренные и винокуренные заводы? Ну да, точно! Тихий городок? Народ кишмя кишит на пристани! Ужас, ужас! Ну Андрей Павлович!!! Дай только увидеть тебя...

Крупный, рыжеволосый мужчина, сходящий с трапа парохода в Лысково, был явно неудовлетворен представшей перед его взором панорамой города. — Тихий городок! Отдохнешь! Свежий воздух! Рыбалка! Ну да ладно, хоть пивка без суеты попыю... Мужчину сопровождала рослая, элегантная, физкультурного вида собака: кофейный с проседью окрас,

крупная, обросшая жестким проволочным волосом морда и купированный хвост позволяли в ней увидеть континентальную легавую [1], если бы не коротко обрезанные уши, мощные, толстые лапищи и жесткий, цепкий взгляд не охотника, но сторожа. Еще на пароходе отметили пассажиры, что вечно спящий в шезлонге [2] мужчина и лежащая рядом с ним собака неуловимо похожи. И чем только? Он крупный, можно сказать, корпулентного вида, собака же статная, под шерстью угадывались пружины-мышцы. Однако подошедший к этой паре человек охотничьей наружности с вопросом: «А что за порода, в какую охоту взять можно?» — сразу получил в ответ сухое: — «С какой целью интересуетесь?»

После чего немедленно ретировался к приятелю, которому почему-то шепотом заметил: — Вроде спят оба, из-под бровей-то не видно, а как ближе подошел — как углем обожгло, сначала от собаки, потом от этого... Жуть, и на кого ж он с ней охотится?

Пассажир со странной собакой сошел на пристань и уверенно (как знал куда) направился в сторону Большой Стоялой улицы.

К западу от великолепного дворца князя Георгия Александровича Грузинского, на крутом берегу Волги, в бывшем доме всесильного хозяина Лысково Евграфа Александровича Стогова, собралось общество. Высокое. И цель собрания была высокая: через неделю приезжал всемогущественный хозяин нижегородской губернии, действительный статский

советник, генерал-лейтенант, обладатель ордена св. Георгия 4-й степени и прочая, прочая, прочая... губернатор Баранов Николай Михайлович.

— А зачем? Зачем, спрашивается, столь высокопоставленному лицу приезжать в Лысково? Неужто пива знаменитого попить да раками закусить? Э, нет! Тут что-то не так! Эх, не было у мужика хлопот, купил мужик пивзавод... Может на счет заводиков наших? Да вроде все уж давно на мази: дадено, подчищено, утрясено... Эх! — примерно в таком ключе ворочались мысли в голове у Батманова Алексея Григорьевича; градоначальника и откупщика некоторых предприятий Лыскова, Васильсурска и Нижнего города.

— Ну-с, что у нас плохого? — Батманов обернулся к сидевшему за столом «обществу». — Да тихо всё, Алексей Григорьевич, как обычно, — лениво поднося ко рту знаменитые лысковские сухарики, отозвался один из братьев купцов Кудрявцевых. — Ну да, ну да! Ерш в уху! А чего он тогда к нам крюку дает? Эх, хвостом вас по голове! Что не так? И где не так? Ответом ему было вкусное, хрустящее, булькающее молчание; способствовало такой аппетитной тишине поглощение действительно «пальчики оближешь» местных сухариков и запиваемых к тому же не менее вкусным пивом. — Господа?!?! А вы знаете, что случилось в Макраша? — Вошедший земской врач Лехов был взвинчен и немного на «взводе». Собрание дружно рассмеялось. И чуть ли не хором: — А вы опять, любезнейший Андрей Палыч, ездили к

своему колдуну мистицизмом заниматься? Врач мотнул головой, с шумом выхлебал стакан предложенного пива и выпалил: — — Ангелы там появились!!!

Сразу стало интересно; сухарики и пиво были забыты. Общество потребовало детализации. И А. П. Лехов, образованнейший человек, закончивший с отличием Московский Университет, узнавший во время войны «почем фунт лиха», не раз раненный, много чего повидавший и циник по причине профессиональной деятельности, с деталями, эмоциями, помогая себе «приличной» и «неприличной» для светского человека жестикуляцией начал рассказывать:

«Как вам я уже рассказывал, ко мне приезжает старый приятель И.И. Холмс... Что!? А... Он из обрусевших англичан. Его пращур, кажется, еще при Петре Великом на службу к нам попал, а при Екатерине они уже начали представляться как Холмс. Почему, почему! У нас, знаете ли, с произношением фамилии как Гольмс не шибко-то в чины и выбьешся... Да нет, я же говорю, как произносить! Да и сам он православный... Да сами увидите скоро: чистый воды уэльсец! Он и сам как-то говорил: «Мы валлийцы две вещи стойко передаем: упрямство в работе и рыжину в окрасе». Да не про него речь, не перебивайте!

Так вот, тут у нас в Лыскове шумно очень для рыбалки, а вот в Макраша — самое то! Ну я и отправился на рекогносцировку: местечко для нашего капитана присмотреть на недельку. А? Не, он по полицейскому департаменту числит-

ся. В ведомстве Путилина служит, между прочим. Так бишь, о чем это я? А вы меня не перебивайте! Так-с! Подхожу я к домику, помните тот, возле заводи? Ага! А там... Представляете, наш колдун отшельником заделался! Его местная мордва чуть ли не богом провозглашает! Да что мордва — уже и часть русских святым его кличут! И все как один вопят: «К нему ангелы прилетают, с разными наказами от Христосика!» А он у ангелов совета спрашивает, как ему исцелить того или иного болезного, покражу найти или там человека худого указать, когда день удачный будет для торга... И вот что интересно, я три дня наблюдал, смотрел; есть там у меня пару-тройку пациентов из безнадежных с диагнозом... Ну да вам это не интересно будет... Так они на поправку пошли!!! Погодите, погодите! Я сам знаю случаи исцеления с помощью суггестии. Но не в этом случае! Поверьте мне, как врачу — это были живые трупы! Были!!! Я направился к отцу Кирилле узнать, что там с колдуном случилось и что де он обо всем этом думает... Ну... Вы же знаете — батюшка и так-то любитель по душам за чаркой говорить, а нынче уж и вовсе молитвы Бахусу возносит еженощно! Больше толку от псаломщика его было, Степана. И вот тот уж мне порассказал страстей! А что вы смеетесь, Сергей Валерианович? Сейчас не до смешков будет.

Однажды он подкараулил (ему бы к Холмсу в помощники, а не в церкви приходской книгой заведовать) под утро, как наш Ванька-Ангел (его так мордва стала звать), собрав

мужиков десять, тихими тропками в лес их повел. Наш следопыт за ними тайно. Так и дошли до капища бывшего, причем самого дальнего. О ближних Степан, да и многие, знали; знали так же, что хоть и крещенные мордвины, а по своим языческим праздникам все равно туда ходят! Правда вреда от их сборищ не было, ну и смотрели «сквозь пальцы». Досмотрелись! То, что на капище увидел дьяк, он, говорит, до сих пор без дрожи вспоминать не может. Видел он, как собрал Ванька в круг своих приспешников и начал им говорить: — Служите мне, да Христосику верую-правдою! Наказываю всем вам святую веру вашу в тайности сохранить. А кто не сохранит нашей тайности, того я велю разорвать вон на этих дубах согнутых! Верный мой апостол Григорий, покажи, чтобы все казнились от малого до великого...

А дальше взял этот самый Григорий заранее уведенного телка, привязал разными ногами к разным согнутым дубам, а потом провел косою по толстой веревке, связующей согнутые верхушки. Степан говорил, что теленок разорвался так быстро, даже и моргнуть не успел. Полтела возле новоявленных язычников шлепнулось, а оторванная голова с малой частью тела упала за немалым саженой в пяти от него. Погодите, это еще не все! Дальше эти монстры начали закапывать останки телка (дьяк чуть не обмер, когда один за головой пошел), а бес этот им и говорит:

— То, православная мордва, люди Боговы, что вы теперь видели, будет всякому, кто скажет русским про нашу веру и

укажет место, где мы собираемся на молельню...

Да знаю я, что вы год прожили среди глухой мордвы по делам компании! Подождите... Так вот, Степан дождался, пока они уйдут, потом взял палку и начал тыкать в разные места капища. И натыкал — нашел разорванное пополам тело Пахомки-убогого. Что? Да жил он в Макраша. Красивый парень, добрый, и девки его любили — хотя идиот, конечно. Да я не ругаюсь — диагноз, знаете ли! Часто их видели вместе с Анфисой-сиротой последнее время. Любовь! Та, надо сказать, малахольная тоже малость была. (Связались: слепой с одноглазым)! Так дальше мне Степан вот что рассказал:

«...и разговорил я одну из мордвинок молодых, из тех, что каждую ночь у отшельника нашего в молитвах и очищениях проводят. Она-то и поведала, коим образом ирод их в постель затаскивает! Представляете, Андрей Павлович, он им показывал специально выкопанные ямы и говорил, дескать, кто из вас прелюбодеянием будет заниматься, того в землю живым закопаем!!! А с ним — сие не грех, а очищение, потому как ангел в это время в нем сидит. Ангел, как же! Так же он и Анфису ссильничал, тиран богомерзкий. Да только та не перенесла этого, пошла да утопилась, а перед смертью Пахомке все рассказала. Уж не знаю, как он ее понял — да таким-то слова и не нужны, они все сердцем больше общались, — но отправился убогий к этому аспиду вечером. Да и пропал. Теперь вот... нашелся... Упокой Господи его душу безгрешную...».

Вот такая омерзительная историйка, господа. Надо принимать меры. Кстати, я к вам утречком помчался пораньше, а вот дьяк к батюшке — он его наконец-то вменяемым застал. Как бы отец Кирилла дров не наломал. Что вы молчите, господа? Что делать будем?»

Несмотря на дважды заданный вопрос, в комнате тяжело молчали.

— Да-а-а! А вы уверены, что ваш Степан не того? — Сергей Валерианович Стрегунов выразительно щелкнул себя по кадыку. Доктор мотнул отрицательно головой: — Капли в рот не берет. Крепкой веры мужичок. — Да-а-а... Странно все это. Непонятно. Вы же знаете, господа, что я около года жил возле мордвы, что на реке Сереше обитает. Дела-с, знаете ли, были! Так вот, их кем угодно можно обозвать: темными, глухими, недалекими, дикарями, иногда жадными, иногда нет, то вспылят по пустякам, поссорятся, за дубье хватаются! Потом мирятся так же быстро, поют, смеются... Дети-с! Но вот так... Да и не позволяет им издревле язычество ихнее такие зверства учинять. Они всё больше, понимаете ли, без жертв вообще обходятся! Максимум жертва — травинки сожгут! Да-с! Соберутся на свой озкст (что-то вроде молельни по-ихнему), начнут озолму-молитву петь, покругатся после, вина если есть попьют, лепешек поедят... Часть в землю закопают, вином польют — бога своего Нишку еще раз пославят... Вот и всё жертвоприношение. Так вот-с., но чтобы живое существо, да таким способом? А потом еще и

человека? Увольте-с, но нелепица какая-то с рассказа вашего образовалась! Но даже если и так, — это ж каким нужно быть зверем и деспотом, чтобы детские умы их так замутить, да на такое наставить?! Уж даже и не знаю... Купец широко развел руки в сторону и встал со стула. Подошел к окну. Забарабанил пальцами по стеклу. Что-то такое очень быстрое, неуловимо-знакомое. Губернатор, не задумываясь, начал постукивать по столешнице, невольно подражая Стреганову. Если бы какой-нибудь человек подошел к дверям в этот момент, то сразу бы уловил в этом групповом заволаживающем постукивании некий отрывок из произведения великого Шопена, а именно траурный марш. — Хватит, — Батманов резко, громко оборвал ладонью по столу затянувшееся невольное камлание: — Филипп Филипыч, будьте любезны, пошлите человека за исправником. И еще одного — оповестить Владыку. Без церкви тут не обойтись. Отдав распоряжения, Алексей Григорьевич резко сгорбился; постарел: — Дождались блинов поминальных. И губернатор еще... Это ж надо, 20 век на дворе, а у нас... Теленка... Убогого.... Мокша чертова...

«Уби-и-и-или-и! Уби-и-и-ли!» — кто-то истошно орал на улице. И крик неумолимо приближался к парадному подъезду дома царкосельского купца, внебрачного сына князя А.Г. Грузинского (Грузинского) и бывшего всеильного диктатора Лысково Евграфа Александровича Стогова. Доктор, ви-

димом, узнав кричавшего, поторопился на улицу.

И.И. Холмс без труда отыскал на Большой Стоялой улице гостиницу, которую присоветовал в письме Лехов. Благо она, как и множество постоялых дворов, находилась на этой улице. (Недаром Стоялая!). Договорившись о номере и велев отнести багаж, штабс-капитан отправился в ближайшую пивную, планируя найти местечко поскромней: две-три сосиски, пару пива... и тишина... и тишина. Искомое находилось чуть в глубине от центральной улицы — саженей в сотне от гостиницы. Иван спустился в прохладный подвал, заказал пива, сдул пену с запотевшей кружки... Эх... Вздохнул, как человек, наконец-то приблизившийся к рубежу столь до того неуловимого счастья... Еще раз оглядел кружку, словно не веря своим глазам, и поднес решительно к губам...

— Уби-и-и-или-и! Уби-и-и-ли! — вопль ощутимо (и очень быстро) приближался к запланированному счастью. Холмс крякнул с досады и энергично направился к выходу: пиво он любил употреблять таким образом, дабы чинность сего действия не нарушали всяческие вопли! И уж тем более вопли, извещающие всему белому свету об убийстве!

В этот день отведать великолепного пенного напитка ему не удалось.

Примечания

1. Легавая.

На самом деле не очень-то и легавая. По описанию отчасти похожа на: либо баварского волкодава (есть на фото и портрете Елизаветы Баварской 1876) – вроде как в предках ризеншнауцеров числится, либо похожа на брусбарта – жесткошерстную брудастую легавую. Однако на время описываемых событий (1896 год) брусбарты исчезли (в 70-х годах 19 века приезжал в Москву англичанин, имея цель найти оных псов, но уехал только с фотографией брусбарта и... овчарками (так у Сабанеева!)). Причина же исчезновения породы: «русские брусбарты имели многие несомненные достоинства — отличное чутье, хороший поиск, поноску и замечательную выносливость и что причинами исчезновения породы были главным образом их непривлекательная внешность и злобность». (Л. Сабанеев).

Уши ни у тех, ни у других обрезаны не были – это, так сказать, моя фантазия! Как и окрас собаки. Баварец описан как: «черно-бурый», брусбарт как: «пепельный, с кофейными пятнами». Так что сие животное собирательный образ.

2.Шезлонг.

Да знаю я, что шезлонг изобрел (а точнее сказать модифицировал и раскрутил) французский дизайнер Ле Корбюзье в 1929 году. Однако на конец 19 века шезлонги уже были известны в «Европах» как... санаторные лежаки для чахоточных. Так что «длинный стул» для ленивого возлежания на пляже обязан своему «рождению» ... туберкулезу. И в качестве место для сиденья вполне мог использоваться на судне

даже и не для больных людей.

Да и не знаю я, на чем сидели на палубе в то время. (Собственно, как и в нынешнее). А шезлонг вроде уже использовался, судя по фотографиям начала 20 века.

Глава третья

«Четыре четыреки, две растопырки, седьмой вертун»

Случайная встреча доктора с Холмсом на центральной улице. Кто кого убил? Пропажа священника. Ведь не обязательно убили? Холмс знакомится с обществом. Фокус с собакой. Объяснения штабс-капитана! Холмс отправляется на охоту. Странный охотник.

— Доктор, Вы? Здравствуйте. Что случилось? Это еще что за паникер? — Холмс подошел к Лехову. Андрей Павлович приветственно кивнул головой и продолжил трясти двумя руками за плечи тощего мужичка, обладателя длинных спутанных волос, редкой рыжеватой бородки и, судя по всему, источника тех самых паникерских воплей об убийстве! — Степан, Степа-а-ан! Прекратите истерику! Что случилось? С чего вы взяли, что отца Кирилла убили? Да прекратите вы, наконец! — Молчать!!! — Иван Иванович рывкнул голосом служаки-унтера, недовольного поведением подчиненных! Причетник резко всхлипнул и, лязгнув зубами, действительно замолчал. — Андрей, дайте вашу фляжку! — Холмс принял фляжку с коньяком, открутил крышечку и

поднес к губам дыячка: — Пей. — Я-я, не пью... — Пей, кому говорю! Степан послушно (поди такому откажи, смотрит из-под рыжих бровей стальным сверлом серо-зеленых глаз) сделал глоток. Закашлялся. Доктор участливо похлопал его по спине: — Ну, все? Давайте, рассказывайте... — Так, это ж, а чого рассказывать? Вы ж доктор как ускакали, а я к ба-тюшке пошел, рассказать чо видел... Рассказал. Тот аж взбеленился, кричит, что всех кулаком закрестит, мордву чортову! И убежал в сторону липовой рощи! Я вроде за ним сунулся, так он мне погрозил колотушкой своей и рыкнул: «Не суйся, не твое дело, я и без тебя сюда этого беса притащу, баламута...». — Ну и что? — стал задавать вопросы тихим голосом штабс-капитан. — Ты видел, как убивали? — Да-а не-ет, не видел... так ведь... туда ж... а они... — Ти-ихо! Может, ты труп видел? — Ох, Господи, пресвятые угодники, нет, но... ведь туда ж... а там... — Так-с. Андрей Павлович, будьте любезны, отведите этого... В общем, к исправнику. Пускай там все расскажет, что знает. И предупредите, чтоб молчал и не вопил больше про убийство. А я вас здесь пока повременю. И жду от вас рассказа, что тут у вас творится! Приехал, ч-черт, в сказку наоборот! Попил пивка...

Лехов вернулся через 10 минут: — Ох, чудны дела твои, Господи. Пойдемте, дорогой мой, познакомлю вас с обществом! Тут недалеко. А по дороге как раз и расскажу вкратце.

А в это время «общество» обсуждало последние новости... Ермолай Кузов, лысковский коммерсант «купи-про-

дай» (из «прахов» [1]), добавил «огоньку»:

— Бывал я в тех местах. Про черный камень слышали? Ну-у! На самом краю села находится. Большой такой, где-то с корытку будет. А? А-а... да лодки такие есть у них, долбленки, аршина три будут... Так вот на этом камне на дождь колдуют! Как засуха — шасть туда, чего-то там покамлают и смотришь — тучка подтянулась, дождик накрапывать начал, я по первости... — Еще раз здравствуйте, господа. — Лехов широко раскрыл дверь и жестом пригласил зайти штабс-капитана. — Разрешите представить моего старинного друга, армейского товарища Ивана Холмса. — Добрый день, господа! Разрешите представиться: Холмс. Коллежский асессор Иван Иванович Холмс [2]. А это моя собака — Кэптан. Присутствующие с удивлением (и как-то не очень вежливо, на взгляд доктора) вытаращились на вошедшую парочку. И было от чего удивиться! Может, по отдельности они бы и не вызвали такого удивления; крупные, тяжеловесные мужчины, обладатели огненно-рыжих волос и зелено-стальных глаз хоть и редкость, но все ж не до такой степени, чтобы вызвать столь длительное и не очень вежливое молчание. И собаки кофейной масти, тоже крепко сбитые, пускай даже и с обрезанными ушами — хоть и тоже редкость, но все же... Дело было в глазах! И так-то от этой парочки веяло стальной, грозной, несокрушимой уверенностью... А уж такой одинаковый, пристальный взгляд двух пар серо-зеленых глаз, которым вошедшие обозрели общество... Да-а... было от чего

впасть в молчание... — Э-э... Прошу садиться... — Батманов учтиво указал на стул. — Андрей Палыч, будьте любезны, просветите нас, пожалуйста, что за дикие вопли об убийстве мы недавно слышали? Что еще свалилось на наш мосток? — Степан. Это был Степан-причетник. Батюшку убили... Нет, нет, не то, чтоб убили, а он пошел к мордве разбираться и пропал... Вот Степан и помчался сюда заполошно... Иван Иванович его допросил... Все повернулись вопросительно к Холмсу. — Андрей Павлович утрирует. Просто с помощью нескольких коротких вопросов навел Степана на менее эмоциональный рассказ о происшедшем.

— И что же случилось? Кстати, Филипп Филипыч, исправник уже уехал в Макраша? — Замечательно. К вечеру, я думаю, узнаем обо всей этой мистике мордвинской! — Алексей Григорьевич довольно потер руки и, видимо решив, что безобразиями на селе и поисками отца Кириллы теперь озадачен капитан-исправник, повернулся к Кузову: — И что там с черным камнем? Как это так, дождь вызывают? — У нас до вашего прихода, господин Холмс, Ермолай Антипыч про очередные невидальщины макрашанские повествовал... А вы встречались по... э-э-э... своему роду деятельности с подобными мистификациями? Вы уж извините за такую осведомленность, но нас Андрей Палыч немного просветил. Холмс утвердительно кивнул головой: — Доводилось. Однако ж всякий раз находилось рациональное истолкование случившемуся казусу. Например, Иван Дмитриевич, прагматик

до мозга костей, в таких визионерских случаях нам говаривал: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, зато известно пытливым сыскарям». Я думаю, что и в случае вызывания внезапного дождя имеет место быть просто способность туземцев остро чувствовать изменение в природе. Нам такое тяжело понять. Уж простите за нелепое сравнение, но — как у животных. Собак, в частности. Доктор, помните, в полку был такой Ивашка Захарьев? Замечательно бури предсказывал! Так что он, что моя прошлая собака — чуть чего почуют — сразу укрытия рыть. А камень что? Антураж. Балаган.

— Не... ну как же, подождите... я ж сам видел: полопотал чего-то, пошаманил и, раз, тучка, дождик! Это среди ясно-го-то неба? Воля ваша... Кузов недоуменно пожал плечами, растерянно обвел глазами присутствующих мужчин и вновь, чуть ли не жалобно, посмотрел на Холмса. — Хорошо. Идти до камня нет нужды. На примере своей собаки я могу вам показать, что не все необъяснимое сразу надо трактовать как факт чего-то сверхъестественного. Итак? Общество заинтересованно обернулось к доктору, как бы спрашивая: «Что за фокусы? Что ж можно на псине показать такого необыкновенного?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.